

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И ХАРАКТЕР КОРПОРАТИВНЫХ СТРУКТУР В ТРАНСФОРМАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

В статье раскрывается специфическая природа российского корпоративного сектора, обусловленная трансформационным характером экономики. Специфика экономической трансформации порождает характерную для российской экономики «персонификацию» деятельности корпоративных структур, следствием чего становится появление специфических функций, связанных с присвоением корпоративного дохода отдельными индивидами с целью непроизводительного использования. В работе показано, что специфические функции корпоративного сектора вступают в противоречие с его родовыми признаками и функциями и ограничивают движение финансового капитала.

Ключевые слова: трансформационная экономика, корпоративные структуры, персонификация экономической деятельности, корпоративный доход.

Имеется значительное количество публикаций по вопросам становления и функционирования крупного бизнеса в российской экономике. Как правило, исследование данной проблемы ограничивается анализом процессов, выраженных количественными характеристиками: исследуется роль корпоративных структур в инвестиционном процессе и в производстве ВВП, а также направления распределения собственности между различными корпоративными структурами. Тем не менее эмпирически фиксируемые процессы, происходящие в корпоративном секторе, являются лишь внешними проявлениями специфической природы корпоративного сектора российской экономики.

В развитых странах корпоративный сектор возник и развивался на основе движения финансового капитала. Поэтому корпоративный сектор следует рассматривать как организационную структуру финансового капитала¹, функцией которого является обеспечение непрерывности движения общественного капитала. Объединяя различные капиталы, корпоративный сектор вмешивается в процесс межотраслевого распределения капиталов, структурируя экономические отношения. Дж. Гэлбрейт, анализируя роль крупных корпораций в «новом индустриальном обществе», показал, что крупная корпо-

рация устанавливает контроль над рыночным механизмом. «Рынки могут быть поставлены под контроль. Это означает ослабление или устранение зависимости от действий тех, кому планирующая организация продает свою продукцию или у кого она покупает. А так как их поведение ставится под контроль, уменьшается и неопределенность в отношении их поведения. В то же время рынок, включая процесс купли и продажи, остается...» [1, 53]. Корпоративный сектор воздействует и на характер функционирования некорпоративного рыночного сектора. Формами такого воздействия могут быть франчайзинг, кредитование малого бизнеса и т. д.

В российской экономике возникновение корпоративного сектора исторически предшествовало образованию финансового капитала. Технологическая и производственная основа корпоративного сектора была сформирована еще в советской экономике в виде крупного производства. В то время как становление финансового капитала происходило в период экономической трансформации. Здесь возникает задача – определить, насколько характер экономической трансформации определил логику развития и специфику функционирования корпоративного сектора российской экономики. Прежде всего необходимо обратить внимание

¹ Теоретики финансового капитала (А. Кон, Финн-Енотаевский), а в дальнейшем и советские политэкономы рассматривали корпорацию как организационную форму финансового капитала. При этом, анализируя организационные формы финансового капитала, советские политэкономы выделяли три ступени обобществления экономики: горизонтальная интеграция (объединяются предприятия одной отрасли), вертикальная интеграция (объединение в рамках корпорации производств в рамках единого технологического комплекса) и многоотраслевая корпорация (объединение предприятий различных сфер и отраслей экономики). Каждая организационная форма объединения капиталов соответствует определенной ступени развития финансового капитала.

на то, что экономическая трансформация характеризуется как двойственный процесс: с одной стороны, как процесс перехода от социализма к капитализму, с другой – как процесс перехода от плановой экономики к рыночной. В первом случае происходит формирование новых социально-экономических отношений, что предполагает возникновение экономического субъекта как персонификатора этих отношений. Во втором случае встает задача формирования структур и институтов современного рынка. Этот процесс предполагает обезличивание экономических отношений и образование на этой основе корпоративных структур и институтов.

Противоречие трансформационной экономики порождает характерную для российской экономики «персонификацию» деятельности корпоративных структур², которая означает, что функции корпоративного сектора специфически реализуются в зависимости от интересов отдельных индивидов – тех, кто персонифицирует тот или иной бизнес.

Отечественные экономисты отмечают характерную для российской экономики специфику «персонификации» деятельности экономических субъектов, обуславливающую «фрагментацию социально-экономических отношений». Но лишь немногие связывают данное явление с характером экономических процессов, протекающих в российской экономике. С. Булганина, анализируя природу и структуру экономических субъектов, обращает внимание на то, что в российской экономике в чистом виде отсутствуют экономические субъекты, соответствующие тем или иным этапам развития капиталистической социально-экономической системы³. В российской экономике корпоративный сектор возникает при активном участии индивидуальных экономических субъектов, что вполне соответствует этапу формирования новой социально-экономической системы. Он появился при активном участии узкой группы индивидов и ограничении массового доступа к данному процессу [3].

Социально-экономическая природа российского корпоративного сектора обуславливает специфику его функционирования в экономике. Российский корпоративный сектор приобретает функции, которые не свойственны его природе. Они связаны с присвоением корпоративного дохода отдельными индивидами с целью непроизводительного использования.

Функции, связанные с присвоением корпоративного дохода, реализуются с помощью различных инструментов, например выплаты бонусных вознаграждений высшему менеджменту (одновременно являющемуся собственником корпорации), спекулятивных операций с валютой или с ценными бумагами, вывоза капитала за границу и т. д. Механизм использования этих инструментов не всегда согласуется с формальными институтами рыночной экономики.

Один из классиков структурного функционализма Роберт Мертон показал, что некоторые аспекты социальной культуры порождают поведение, не согласующееся с институциональными нормами. Такая ситуация возникает в том случае, когда в обществе огромное значение придается целям, а выбор способов их достижения будет ограничиваться только соображениями технической целесообразности. Вследствие этого «единственным вопросом, имеющим значение, становится вопрос о том, насколько эффективны наличные средства овладения социально апробированными ценностями» [4, с. 305]. Данная ситуация была обозначена представителями структурного функционализма как «инновация».

В отечественной экономической теории было показано, что радикальные инновации возникают в условиях прекращения роста дохода и исчерпания возможностей доминирующей технико-экономической парадигмы. В отличие от стран с развитой рыночной экономикой для России характерны «непроизводительные» инновации, следствием которых становится, в частности, обособление двух секторов экономики: ре-

² «Персонификация» корпоративного сектора внешне проявляется в неразделенности функций собственника и менеджера, характерной для российской экономики. Так, согласно исследованиям, проведенным фондом «Бюро экономического анализа», только у 29% обследованных частных компаний функции собственника и менеджера разделены [2].

³ С. Булганина разграничивает социально-экономические и функциональные субъекты. С ее точки зрения, существует взаимосвязь между стадиями развития социально-экономической системы и типами экономических субъектов. Так, на этапе формирования капиталистических отношений на первый план выходят социально-экономические субъекты, среди которых ведущее место принадлежит индивидам и социальным группам. Природа этих субъектов определяется существенными характеристиками соответствующих социально-экономических отношений. В развитой экономической системе социально-экономические вытесняются функциональными экономическими субъектами. В отличие от социально-экономических субъектов функциональные субъекты обезличены, ибо представлены институциональными структурами [3].

ального и финансового, – приобретающее в наших условиях особо острый характер [5].

Что касается корпоративных структур, то в условиях неразвитости формальных институтов достижение цели часто сопряжено с использованием в большинстве случаев нелегальных, но часто эффективных средств. Как правило, наибольшее распространение получают инструменты, позволяющие индивидам присвоить корпоративный доход с наименьшими транзакционными издержками. Так, например, за всю историю российского фондового рынка не было ни одного случая наказания за манипулирование рынком, хотя официально факты признания манипулирования рынком имели место⁴. Искусственное манипулирование ценами на рынках ценных бумаг не является для России редким явлением [6].

Функции корпоративного сектора, связанные с присвоением корпоративного дохода, получают особое значение в условиях прямого государственного вмешательства в процесс распределения собственности, в частности, в условиях формальной реализации права суверена⁵. В последнем случае формальный собственник получает временный контроль над ресурсами корпорации и возможность присвоения дохода корпорации посредством перевода капитала за границу. Поэтому такой инструмент, как вывоз капитала за границу, относится к числу наиболее распространенных способов легального и нелегального присвоения корпоративного дохода. По данным С. Меньшикова, начиная с 1996 г. (период начала образования крупных ФПГ и интегрированных бизнес-групп в российской

экономике) больше половины оттока капитала от внутренних инвестиций приходится на фирмы, занимающиеся внешнеэкономической деятельностью. Как правило, это крупные бизнес-структуры [10, с. 67].

Специфика корпоративного сектора вносит определенные коррективы в характер функционирования и самого финансового капитала. Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что присвоение дохода крупными собственниками ограничивает движение финансового капитала, а его производные формы, в частности такая форма общественного капитала, как промышленный, не получают достаточного развития. Поскольку корпоративный доход является одним из источников инвестиций компании, непроизводительное присвоение этого дохода уменьшает объем капиталовложений корпораций. Последнее находит выражение в высокой степени износа основного капитала, низкой эффективности инвестиций, в незаинтересованности корпораций в разработке и внедрении инновационных продуктов. Согласно данным, представленным Р. Дзарасовым и Д. Новоженовым в работе «Крупный бизнес и накопление капитала в современной России», научные исследования проводят только 10% компаний, проектно-конструкторские работы – 25%, опытно-экспериментальные – 15% [12]. Вследствие этого не получает достаточного развития такая производная форма финансово-промышленного капитала, как венчурный капитал⁶. Как правило, корпорации осуществляют «вынужденные» инвестиции, т. е. инвестиции, реализация которых направлена «на устранение препятствий для из-

⁴ Официально ФСФР были признаны два случая манипулирования ценами на рынке ценных бумаг: в 2007 году с привилегированными акциями РИТЕК (котировки акций за три месяца выросли на 23%) и в 2008 году с акциями пермской компании «Ричброкерсервис» [6].

⁵ С нашей точки зрения, процесс над М. Ходорковским ознаменовал начало нового этапа в отношениях бизнеса и власти. Если в 90-х гг. представители финансовой олигархии оказывали влияние на правительство посредством прямого в нем участия, т. е. занимая руководящие посты, или добивались назначения на эти посты своих представителей, то начиная с 2005 г., наоборот, правительство вмешивается в процесс распределения собственности и определяет направления развития бизнес-структур. Последнее может осуществляться различными методами: от материальной поддержки до экспроприации собственности или давления со стороны государства на крупных собственников. Наиболее ярким примером материальной поддержки представителей бизнеса властными структурами является предоставление кредита корпорации UC Rusal. Кредитный договор с ВЭБом UC Rusal подписала за пару дней до того, как один из ее важнейших активов – 25% акций «Норильского никеля» должен был перейти в собственность одиннадцати западных банков. Неделю спустя наблюдательный совет одобрил оказание помощи данной компании, превысив собственный лимит кредитования на одного заемщика до 2,5 млрд. долл. [9].

Под давлением государства президент группы «ОНЭКСИМ» М. Прохоров подписал соглашение, согласно которому долговые обязательства «Rusal» перед «ОНЭКСИМом» будут реструктурированы: 2 млрд. долл. будут конвертированы в 4,5% акций алюминиевого завода. Следует обратить внимание, что давление со стороны государства оказывалось и на собственника «Альфа-банка» М. Фридмана (структуры «Русского алюминия» были должны «Альфа-банку» около 100 млн. долл) [8].

⁶ Так в 2009 году государство принимает решение о сокращении поддержки венчурного бизнеса в отношении РВК и Роснано. Большинство венчурных фондов создано с участием именно этих компаний [11].

влечения ренты и реализацию некапиталоемких возможностей ее увеличения» [13]. Анализ инвестиционного поведения большинства российских корпораций, проведенный Р. Дзарасовым, Д. Новоженовым, показал, что российские корпорации финансируют преимущественно восстановление активов, которые износились за многие годы суженного воспроизводства.

В трансформационной экономике корпоративному сектору отводится значительная роль в процессе формирования рыночных структур и институтов [3]. Суженное воспроизводство финансово-промышленного капитала ограничивает развитие рыночных структур и институтов. Так, не получают достаточного развития институты кредитования корпоративного сектора. Несмотря на быстрый количественный рост, остается неразвитым рынок ценных бумаг. Более 50% всей капитализации российского фондового рынка в 2008 г. обеспечивали всего 6 компаний, а на 20 наиболее капитализированных компаний приходилось 76,6% капитализации всего рынка [14]. В развитых странах 80–90% капитализации обеспечивается не менее чем сотней бумаг. Значительная доля в общей капитализации принадлежит государственным корпорациям (более 30%). Ситуация остается практически неизменной и в 2010 году (см. рис. 1)

Неразвитость российского рынка ценных бумаг сочетается с неразвитостью банковских структур и незрелостью банковского капитала. Значительная часть банковского капитала опосредует спекулятивные операции. Так в 2007 году в России доля банковских кредитов в ВВП составила 37% (это в период подъема в экономи-

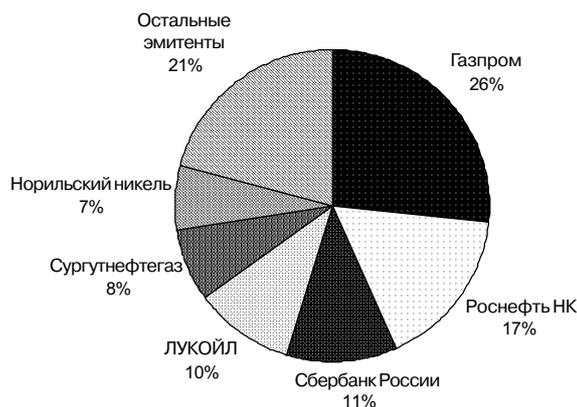

Рисунок 1. Капитализация российского фондового рынка в 2010 году⁷

ке). В других странах с переходной экономикой этот показатель был значительно выше. Например, в Казахстане этот показатель составил 56%, на Украине – 47%, в Венгрии – 55%, в Китае – 200% [15]. Слабость банковской системы России характеризует и высокая доля просроченной задолженности в кредитном портфеле банков. Доля просроченной задолженности в кредитном портфеле отдельных крупных банков (большая часть которых входит в финансово-промышленные группы) достигает 10% [16].

Таким образом, деятельность корпоративного сектора, связанная со специфическим присвоением корпоративного дохода, препятствует эффективному выполнению родовой функции корпоративного сектора – созданию условий для расширенного воспроизводства общественного капитала и качественному развитию национальной экономики.

16.06.2010 г.

Список использованной литературы:

1. Гэлбрейт, Дж. Новое индустриальное общество [Текст]: Пер. с англ. / Дж. Гэлбрейт. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 602 с.
2. Корпоративное управление заслужило доклада [Текст]: национальный доклад по корпоративному управлению // Экономика и жизнь. – 2008. – №22. – С. 36–37.
3. Булганина, С. Экономические субъекты: проблема иерархии и субординации в системе общественного воспроизводства / С. Булганина // Макромодели Василия Леонтьева и перспективы развития российской и мировой экономики: Материалы 20 междисциплинарной дискуссии / под ред. В. Кушлина, Г. Ивлевой, Ю. Яковца. – М.: Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2006. – С. 264–278.
4. Мертон, Р. Социальная структура и аномия [Текст]/Р. Мертон, Перевод с французского Е.А. Самарской. Редактор перевода М.Н. Грецкий. // Социология преступности (Современные буржуазные теории): Сб. ст. – М.: «Прогресс», 1966. – С. 299–313.
5. Сергиенко, Я. Финансы и реальный сектор [Текст] / Я. Сергиенко. – М.: Финансы и статистика, 2004. – 384 с.
6. Самородова, Е. Огонь по инсайду [Текст] / Е. Самородова, Т. Сейранян // SmartMoney. – 2009. – №07 (145). – С. 24–27.
7. Романова, Л. Искусство нужной подписи [Текст] / Л. Романова // Smart Money. – 2009. – №07 (145). – С. 12–16.
8. Головин, А. Попутал даты [Текст] / А. Головин // Финанс. – 2009. – №11 (294). – С. 6.
9. Гаазе, К. Битва Титаников [Текст] / К. Гаазе, И. Иванов // Русский Newsweek. – 2009. – №14 (236). – С. 24–25.

⁷ Диаграмма составлена по данным рейтингового агентства АК&М [17].

10. Меньшиков, С. Анатомия российского капитализма [Текст] / С. Меньшиков – М.: Международные отношения, 2004. – 432 с.
11. Левашов, А. Как ликвидировать РВК [Текст] / А. Левашов // Финанс. – 2009. – №11. – С. 25
12. Дзарасов, Р. Крупный бизнес и накопление капитала в современной России [Текст] / Р. Дзарасов, Д. Новоженев. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 512 с.
13. Дзарасов, Р. Инвестиционное поведение российских корпораций в условиях инсайдерского контроля [Электронный ресурс] / Р. Дзарасов, Д. Новоженев // Менеджмент в России и за рубежом. – 2003. – №5 (<http://www.mevriz.ru/>).
14. Титов, Д. Плюс капитализация всей страны [Электронный ресурс] / Д. Титов // Экономика и жизнь. – 2008. – №25. (<http://www.akdi.ru/scripts/articles/>).
15. Температура роста [Текст] // Экономика и жизнь. – 2008. – №14 (9228). – 11 апр.
16. Гуркина, Е. Плохие долги: еще не катастрофа, но уже страшно [Текст] / Е. Гуркина // Финанс. – 2009. – №3. – с. 40–41.
17. Рейтинговое агентство АК&М. [Электронный ресурс] – 2010. – 16 июня (http://www.akm.ru/rus/equities/equities_mcap.stm)

Сведения об авторе: Баркова Елена Александровна, старший преподаватель кафедры экономической теории Оренбургского государственного университета, 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 6108, тел. (3532)372452, e-mail: elebar_02@mail.ru

Barkova E.A.

Social-economic nature and character of corporative structures at transformation economy in Russia

The specific nature of Russian corporative sector, caused by transformation character of economy is revealed in this article. The specificity of economic transformation gives birth to typical for Russian economy «personification» of corporative structures' activity with the result of appearance of specific functions connected with appropriation of corporative income by separate individuals with aim of unproductive usage. The author of the article shows that specific functions of corporative sector come into conflict with its origin features and functions and limit movement of financial capital.

Key words: transformation economy, corporative structures, personification of economic activity, corporative income.

Bibliography

1. Galbraith, J. A new industrial society [Text] / J. Galbraith. – M: O.C. «Izdatelstvo AST», 2004. – 602 p.
2. The corporate governance has deserved the report [Text]: the national report on a corporate governance // Экономика e shizn. – 2008. – №22. – p.36 – 37
3. Bulganina, S. Economy of subjects: a problem of hierarchy and subordination in system of public reproduction / S. Bulganina // V. Leontev's Macromodels and prospect of development Russian and economic: Materials of 20 interdisciplinary discussions / V.Kushlin, G.Ivleva, J.Jakovets – M: Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, 2006. – p. 264-278
4. Merton, R. Social structure and an anomy [Text] / R. Merton, E. Samarskai, M.Gretsky // criminality sociology (Modern bourgeois theories): Sp. – M: «Progress», 1966. – p. 299-313
5. Sergienko, I. Finansy and real sector [Text] / I. Sergienko. – M: Finance and statistics, 2004. – 384 p.
6. Samorodova, E. Fire on insider [Text] / E. Samorodova, T.Sejranjan // SmartMoney. – 2009. – №07 (145). – p. 24-27
7. Romanov, L. Art of the necessary signature [Text] / L.Romanov // Smart Money. – 2009. – №07 (145). – p. 12-16
8. Golovin, A. Poputal dates [Text] / A. Golovin // Finans.-2009. – №11 (294). – p.6;
9. Haase, K. fight of Titanics [Text] / K. Haase, I. Ivanov // Russian Newsweek. – 2009. – №14 (236). – p. 24-25
10. Menshikov, S. Anatomija The Russian capitalism [Text] / S. Menshikov – M, 2004. – 432p.
11. Levashov, A. How to liquidate PBK [Text] / A. Levashov // Finans. – 2009.-№11. – p. 25
12. Dzarasov, R. Biggest business and capital accumulation in modern Russia [Text] / R.Dzarasov, D.Novozhenov. – M: «LIBRICOM», 2009. – 512 p.
13. Dzarasov, R. Investitsionnoe behaviour of the Russian corporations in the conditions of the insider control [the Electronic resource] / R Dzarasov, D.Novozhenov // Management v Rosie e za rubeshom. – 2003. – №5 (<http://www.mevriz.ru/>)
14. Titov, D. Plus capitalisation of all country [Electronic resource] / D. Titov // Экономика e shizn. – 2008. – №25. (<http://www.akdi.ru/scripts/articles/>)
15. Temperature of growth [Text] // Экономика e shizn. – 2008. – №14 (9228). – 11 apr.
16. Gurkina, E. The bad debts: yet not accident, but it is terrible [Text] / E. Gurkina // Finans. – 2009.-№3. – p. 40-41
17. Information agency AK&M. [Electronic resource] – 2010. – 16 June (http://www.akm.ru/rus/equities/equities_mcap.stm)